

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Ничего личного, кроме боли : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-095110-9

Быть не как все – счастье или проклятие? У Маши выдающаяся интуиция и феноменальные аналитические способности, но значит ли это, что ее, лейтенанта полиции, в самом деле ценят начальники и коллеги? Если кто и готов оценить ее по достоинству и подбросить ей загадку по ее силам, так это только он — ее демон, ее мучитель, ее брат по ненависти и боли...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095110-9

ШАВА 1

— Вот, коллеги, познакомьтесь. Наш новый сотрудник.

Глеб Анатольевич Горовой, мягко колыхнув животом, сделал шаг назад и мягко ступил влево. Три пары глаз уставились на нового сотрудника. Вернее, сотрудницу.

«Молодая, наверняка со студенческой скамьи. Сплошная морока с ней: учи, опекай, — подумал один, самый старший. — Просили же реальную помощь в отдел. А кого прислали? Малолетку!»

«Н-да-а, теперь начнется», — пронеслось в мыслях у второго, хоть он вряд ли и сам мог объяснить, что имел в виду.

«Дохлая. Неинтересная. Зануда небось, — решил третий и еще раз прошелся взглядом по новой сослуживице. Мысленно кивнул самому себе: — Скорее да, чем нет. И что-то в ней есть такое непонятное».

— Мария Ивановна Бессонова. — Горовой по очереди глянул каждому в глаза. — После студенческой скамьи успела поработать в убойном отделе в соседней области. Зарекомендовала себя грамотным сотрудником с отлично развитой инту-

Галина РОМАНОВА

ицией. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Все, дальше вы здесь сами.

Взглядом приказал старшему перехватить у него инициативу. И скрылся за дверью.

Старший встал с места, подошел, протянул руку, представился:

— Майор Кошкин, Сергей Иванович. Возглавляю этот отдел уже бог знает сколько лет. Сам отбирал себе сотрудников. Кроме вас, разумеется.

— Я не подведу! — выпалила Маша и тут же покраснела и опустила голову. — Извините, товарищ майор.

— Можно не козырять. Можно просто Сергей Иванович.

— Так точно, Сергей Иванович. — Она осторожно улыбнулась, вытащила пальцы из его жесткой ладони. Кивнула на заваленный бумагами стол: — Это мое рабочее место?

— Стол свободен, можешь занимать. Но, — он набрал воздуха в легкие, — твое рабочее место, Мария Ивановна, будет не здесь. Говорю сразу, чтобы не было иллюзий. Ничего, что на «ты»?

— Да-да, конечно, — отозвалась она рассеянно: уже успев взять в руки самую верхнюю папку. — Так даже лучше.

— Так вот, Мария Ивановна, наши рабочие места — это места преступлений. Это сбор информации по горячим следам. Это работа со свидетелями. Нудный поквартирный обход. И еще... Ладно, вижу, ты уже в курсе.

Ему не понравилось, что она кивает каждому его слову. Кивает и с трудом скрывает улыбку. Не

• *Ничего личного, кроме боли* •

дурак, не вчера родился. Потешается, что ли, над ним девчонка? Самая умная, да? Интуиция, говорите, у нее отлично развита, зарекомендовать себя успела в соседней области? Это что же за область такая, где преступления на щелчок пальцев раскрываются?

«Не сработаемся», — сделал вывод Кошкин через пару минут. Девушка высокомерная. Станет умничать, рыться в деталях, упускать важные моменты. И уж точно не захочет обивать ноги в поквартирном обходе, не по ней это. У нее интуиция, мать ее, сильно развита.

— Сергей Иванович, я могу работать сутками, — вдруг проговорила Маша и глянула так пронзительно, как будто прочла все мысли на свой счет. — Можете поручить мне все, что сочтете нужным. Я никакой работы не боюсь.

Точно, догадалась. Кошкин почувствовал, как вспотела шея. Так обычно случалось, когда ему делалось неловко. Еще не хватало.

— Ладно, разбирай бумаги, обживайся, — буркнул он, возвращаясь на свое место. Опустился на любимое скрипучее кресло, в котором механизм вращения сломался добрых пару лет назад, добавил: — Моли бога, чтобы ничего пока нигде не случилось.

— А если случится, с кем я буду работать?

— В каком смысле? — не понял он.

— Напарник. Кто будет моим напарником?

Маша кротко улыбнулась тем двоим, что не сводили с нее глаз. Оба как по команде увели глаза в сторону.

Галина РОМАНОВА

— Напарник? — Кошкин высоко поднял брови, надул щеки, с шумом выдохнул. — Покатаешься пока со мной. Ребята давно в паре работают. Так что...

Так что работать с ней ни один не захочет. А ездить на происшествия с начальником — это все равно, что каждый раз дипломную работу защищать. Но выбора у нее нет. С начальником так с начальником. Она перевода из своего захолустья полтора года ждала. Не до капризов.

Уселась на место и не заметила, как до обеда провозилась с бумагами. Все рассортировала, разложила по папкам, расставила на стеллажах. А когда подняла голову, обнаружила, что в кабинете они с Кошкиным вдвоем.

— А ребята где, Сергей Иванович?

А в сердце кольнуло: на происшествии! Ее не взяли. Ей не сказали. Ее оставили рыться в хламе, который скопился на столе за четыре месяца, если верить датам.

— Ребята обедать пошли. И тебе не помешало бы, — проворчал Кошкин. — Что, Мария, идем?

Боже, она теперь и пищу должна принимать под его присмотром?

— Идемте, Сергей Иванович. — Пришлось подавить возмущение. — Правда, я не очень голодная.

— Зато я съел бы чего-нибудь с радостью, — бросил как в упрек.

Сидел без обеда из-за нее, сообразила Маша. Приглядывал.

Столовая оказалась маленькой, всего на пять столиков. Все были свободны. Ребята из ее отде-

• *Ничего личного, кроме боли* •

ла, если и обедали здесь, уже ушли. Узкие окошки-бойницы под самым потолком едва пропускают дневной свет. Тусклое освещение. Серые пластиковые стулья. Серые столы. Стены непонятного цвета — не то темно-голубые, не то тоже серые.

Маша тут же поняла, что обедать здесь больше никогда не будет. Сегодняшний день — исключение. Начальник велел, не поспоришь.

Кошкин грохнул на поднос сразу три тарелки: первое, второе, салат, компот, две булочки с изюмом. Маша ограничилась двумя котлетами и киселем.

— Это все? — Шеф осуждающе качнул головой. — Так ноги протянешь, Бессонова. А мне сильные сотрудники нужны, выносливые.

— Я выносливая, — сдержанно улыбнулась Маша.

С языка просилось: она же не мужик, чтобы сметать столько продуктов за раз. Но промолчала.

— Я сбалансированно питаюсь, Сергей Иванович. — И немедленно соврала: — У меня каждое утро плотный завтрак.

Сегодня утром она, к примеру, выпила стакан воды. Один стакан. Не потому, что нечего было есть. Просто в горло ничего не лезло. Волновалась: как встретят на новом месте, как пройдет первый день. Потому и каша не полезла, которую всегда варила с вечера. И бутерброды не стала делать, знала, что не съест. Стакан воды, и все.

Зря волновалась, встретили нормально. Ровно, без гадких замечаний, без демонстративного игнора. Начальник вон даже обедать без нее не шел,

Галина РОМАНОВА

ждал, пока закончит с бумагами. То ли приглядывал за ней, то ли просто по-человечески отнесся.

Ее куда хуже проводили на предыдущем месте.

В кафе на отходную вечеринку пришли всего три человека из пятнадцати. Девушка из бухгалтерии, секретарь полковника и молодой опер, с которым они поступили на службу в один день.

Повеселиться не вышло. Барышни напились и стали пересказывать сплетни, знать которые она не желала. Но слушать пришлось.

— Некоторые, Машка, тебя вообще считают колдуньей! — расхохоталась секретарша после особенно мерзкой байки.

— Почему? — поинтересовалась она, делая вид, что пьет шампанское.

На самом деле бокалом она только прикрывалась. Спиртное не лезло в горло. Как и все остальное на столе, во что она вбухала, между прочим, немалую сумму.

— Да потому что у тебя раскрываемость почти стопроцентная! У тебя преступники как под гипнозом во всем признаются, — пробубнил опер, тоже изрядно надравшийся. — Тебе завидуют, Мария. Неужели не поняла?

— Завидуют тому, что я помогаю делать мир чище?

— Ой! — Девушка из бухгалтерии сморщила кукольное личико. — Давай только без этих громких слов. «Делать мир чище» — что за пафос?

— Да нет никакого пафоса, я на самом деле так думаю. — Она попыталась объяснить: — Посадили с моей помощью какого-то гада — и лю-

• *Ничего личного, кроме боли* •

дям легче дышится. Не страшно ходить по улицам, спокойнее за детей. Что непонятного?

Ее немногочисленные гости тогда переглянулись. Секретарша выразительно покрутила пальчиком у правого виска. Девушка из бухгалтерии просто качнула головой и пару раз беззвучно открыла и закрыла рот — как рыба. А тот, что определялся на службу вместе с Машей, пьяно хихикнул:

— Могла бы просто сказать, что делаешь свою работу. Всего лишь хорошо делаешь свою работу.

Маше хотелось возразить. Хотелось сказать, что это больше, чем работа. Передумала: гости были пьяны и настроены не по-доброму. Пришли из любопытства, а не для того, чтобы пожелать ей доброго пути. Пришлось сделать вид, что она согласна:

— Ладно, я просто хорошо делаю свою работу.

— Вот! — Парень поднял указательный палец. — Вот за это тебя в отделе и не терпят. Слишком потому что. Слишком хорошо ты все делаешь. Слишком хорошо и правильно. Все остальные на твоём фоне — ничто, серость!

— Ты же самые безнадежные дела раскрыла, Машка, — протянула с упреком секретарша. — Опытные ребята, по двадцать лет работают, и не смогли. А ты раскрыла. Что, не колдовство?

— Да, мистика какая-то, — подхватила бухгалтерша. — Маш, а правда болтают, что мать у тебя была цыганкой?

— Да идите вы! — Она фальшиво рассмеялась. — Цыганка, это же надо придумать! Следу-

Галина РОМАНОВА

ющий вопрос, боюсь, будет об алхимии. Налегайте лучше на угощение. Смотрите, сколько всего.

Налегать никто не стал. Через полчаса ее отходная закончилась. А еще через день она уехала с твердым намерением никогда в этот город не возвращаться.

Теперь у нее другая жизнь. Хочется думать, лучше той, которую она уже успела прожить.

— Как котлетки, Мария? — Голос Кошкина вклинился в воспоминания. — Смотрю, ты совсем не ешь.

— Котлетки? — Она очнулась. — Не могу что-то.

— Волнуешься?

— Ага.

— А ты не переживай так. У меня хорошие ребята в отделе. Правильные. Что встретили сдержанно — не обижайся. Присмотреться нужно к тебе.

— А вы, Сергей Иванович, уже присмотрелись? Как вам новый сотрудник? Вернее, сотрудница?

Она сосредоточилась на котлете, чтобы не встречаться с ним глазами.

— Мне-то? — Кошкин допил компот, стряхнул с рубашки крошки от булочек. — Хвалили тебя, Мария, на прежнем месте, это мне Горовой уже сообщил. Хвалили как оперативника. Но как о человеке мало что могли сказать. Неконтактная, сдержанная. Никто о тебе ничего не знает.

— Это так. — Кивнула, прожевала последний кусок котлеты, кстати, вполне съедобной. — Но и нечего особенно было рассказывать.

• *Ничего личного, кроме боли* •

— Это как? Хочешь сказать, у тебя нет бурной личной жизни?

— Вся моя жизнь — работа. — Маша дернула плечами. — Мне некогда заниматься ерундой.

— Ага. — Кошкин помолчал. — Ты не замужем, задушевных подруг нет, друзей тоже. Я правильно понял?

— Так точно, товарищ майор. — Маша принялась за вторую котлету. — Мои родители умерли семь лет назад. Ушли один за другим — сначала отец, потом мама. Мне нужно было сосредоточиться сначала на учебе, потом на работе.

— Понятно. — И тут же ткнул куда-то в воздух пальцем. — Последний вопрос: почему служба в полиции? Странный выбор для девушки. Служба тяжелая: трупы, вонь, преступники. Приходится общаться с отбросами общества. Почему, Мария? Хотелось помогать человечеству — стала бы врачом. Это благородно. Так как?

Маша хлебнула кисель. Сдержалась, чтобы не поморщиться: несладкий и жидкий. Она такой не любила. Поставила стакан, глянула на Кошкина. Ждет ответа.

— Понимаете, товарищ майор, всю жизнь я хотела найти... — Она искала нужное слово — не нашлось. Сказала первое, что пришло в голову: — Хотела найти одного человека.

— И кого же?

— Себя, — ответила она просто и угадала по выдоху, что ответ разочаровал. — Да, товарищ майор. И так бывает.

ШАВА 2

— Станислав Георгиевич, с вами все в порядке?

Глупая секретарша, которую давно пора было уволить, стояла перед ним в довольно странной позе. Пятки и носки вместе, корпус напряжён и наклонён вперед. Если бы не откровенная тревога в коровьих глазах, он решил бы, что она пытается его соблазнить. Но нет, в глазах Эльзы была тревога, и это означало, что все плохо.

Эльза редко за кого переживала. Если начистоту, ни за кого и никогда. Эгоистка махровая, именно это и спасло ее от увольнения. Он сам был такой. Они даже неплохо ладили. Она его не раздражала. Если он срывался — не обижалась. Приглашение съездить за город развлечься воспринимала спокойно — никаких истерик и оскорбленной добродетели. После отдыха, весьма активного, умела держать дистанцию. «Станислав Георгиевич», и ничего лишнего. Это тоже помогло сохранить рабочее место.

Неужели он в самом деле так плох? Неужели страх написан у него на лице?

— Эльза, что? — глянул зло. — Что тебе нужно?

• *Ничего личного, кроме боли* •

— Простите. Я просто беспокоюсь. — Она выпрямилась и поспешила положить перед ним папку с документами. — Сегодня в четыре у вас встреча с Воропаевым в ресторане «Алия».

— Помню, — процедил он. Глянул вслед ее юбочке, едко поинтересовался: — Думаешь, что ли, совсем с катушек слетел?

Здесь она его удивила. Остановилась неожиданно, развернулась — юбка метнулась вокруг ног. Утвердительно кивнула:

— Думаю.

— Что? — Взбесился, полез из-за стола, в три шага настиг ее у двери и больно схватил за плечо. — Что ты сказала, курица? Я? Слетел с катушек? А ты ничего не перепутала?

— Нет. — Эльза поморщилась от боли, но вернуться не попыталась. — Что-то происходит, Станислав Георгиевич. Что-то нехорошее. Я вижу, но помочь ничем не могу.

Он отпрянул. Такого человеческого взгляда у Эльзы он еще не видел. Видел алчность, похоть, скуку. Но чтобы вот так на самом деле, с заботой...

Так она не смотрела на него ни разу. И от этого стало совсем погано.

— Что случилось, Стас? — Надо же, сама посмела нарушить собственное правило. — Скажи мне, я помогу.

— Поможешь, ага. — Он сторбился, вернулся за стол. — Если бы мне кто-то мог помочь.

Эльза не ушла. Уселась напротив за столом переговоров, как будто он разрешил. А, уже неважно. И так все барьеры сметены. Все из-за его страха.